

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР УРАЛА

В советской археологии продолжается дискуссия по основным методологическим проблемам. Активно обсуждается проблема уровней археологического исследования, а по существу — ступеней исторического познания на основе археологических источников¹. Представители одного направления считают, что археология способна своими средствами к реконструкции лишь общих и своеобразных черт материальной культуры в изучаемых регионах, но не может претендовать на социально-экономическую интерпретацию². Другое направление допускает такую интерпретацию, включая выявление этнических особенностей, используя при этом не только методы археологии, но и других гуманитарных наук³. Главным объектом спора является понятие «археологической культуры». В археологии оно является основным, связанным с социально-экономической и этнической интерпретацией⁴. Проведены историографические изыскания исследовательских программ по археологической культуре и сделаны первые прогнозы их дальнейшего развития⁵. Под археологической культурой мы понимаем большую группу одновременных памятников разных типов на единой территории, границы которой могут изменяться. Она отличается устойчивым сходством основных черт материальной культуры, отражающих этнические особенности: обряд погребения, элементы и узоры орнамента, форма и состав глиняного теста керамики, детали костюма, конструкция жилищ и хозяйственных построек, специфические предметы быта и орудия труда, комплекс остатков, характеризующих религиозные представления⁶. Археологическая культура отражает уровень социально-экономического развития населения, оставившего ее памятники.

У родственных по происхождению культур средневековья сходство проявляется в основных чертах, а различие — только в деталях. По нашему мнению, для реконструкции социально-экономических организмов древности, включая этнические образования, эти культуры по сравнению с более древними дают больше объективных возможностей, хотя и выдвигают ряд дополнительных трудностей.

Объективные возможности заключаются, во-первых, в большей надежности ретроспективного сопоставления раннесредневековых памятников с более поздними, этническая принадлежность которых не подлежит сомнению, во-вторых, в определении их этнической принадлежности путем сопоставления с данными письменных источников, фольклора, лингвистики, топонимики и этнографии, а иногда и палеоантропологии. Чем меньше хроно-

логический разрыв между поздними и раннесредневековыми памятниками, между последними и датировкой материалов других наук, отражающих этнические особенности, тем больше вероятность отождествления памятников археологических культур с определенным этносом. Ретроспективному пути изучения древних этносов уделяется немалое внимание в работах антропологов и специалистов других наук⁷. Объективность реконструкции этноса по археологическим данным увеличивается, когда поселения и могильники средневековых культур функционировали длительное время, сохраняя преемственность в материальной культуре, отражавшую специфику хозяйства, социальных отношений и этнические особенности.

Одним из существенных признаков этноса является общность происхождения. Проследив преемственность между средневековыми культурами и более древними, а затем и более поздними памятниками, мы имеем возможность более объективно определить их этническую принадлежность. При этом, однако, не следует забывать что определенная преемственность может сохраняться и при взаимодействии разных этносов: когда один из них выходит победителем, наследуя отдельные особенности ассимилированного⁸.

При выявлении этнической специфики средневековых культур имеется больше возможностей сопоставления их границ с границами этносов, зафиксированных письменными и другими источниками. Средневековые культуры, если они достаточно хорошо изучены, представлены, как правило, бóльшим количеством одновременных памятников, чем культуры древности. Картографирование их по этапам дает возможность не только определить первоначальную этническую территорию, но и ее изменения. Преемственность, как по вертикали, так и по горизонтали, увеличивает объективность этнической интерпретации археологических культур.

Кроме того, исследователи средневековых археологических культур располагают большими возможностями для изучения демографической ситуации общности⁹ (расчеты численности и плотности населения по размерам и количеству жилищ на поселениях, количеству одновременных погребений в сопутствующих могильниках и т. д.). Они располагают большим количеством палеоантропологического материала, сопоставляемого с антропологической характеристикой этноса, проживавшего или проживающего на территории изучаемых культур.

Демографические, главным образом количественные, данные необходимо иметь в виду при этнической интерпретации средневековых культур, особенно в тех случаях, когда ставится вопрос о смене этноса в результате миграций. Поэтому, в частности, трудно согласиться с мнением А. Х. Халикова, считающего, что формирование предков коми и удмуртов на территории Прикамья происходило в XI—XII вв. в результате миграции населения из

бассейна Вычегды и Выми, что привело к смене угорского и тюркского этносов пермским¹⁰. Ванвиздинская и вымская культуры, с которыми А. Х. Халиков связывает пермский этнос, насчитывают менее 60 памятников каждая, в то время как ломоватовская и родановская культуры Верхнего Прикамья — более чем по 300, а чепецкая — в 2 раза больше, чем вымская.

В Прикамье выявлен и более высокий уровень развития производящего хозяйства, чем на Вычегде. Между ломоватовской и родановской, поломоной и чепецкой культурами прослеживается социально-экономическая и этническая преемственность, не дающая оснований для выводов о смене этноса. Следов проникновения ванвиздинского и вымского населения на Чепце нет. В Верхнем Прикамье на памятниках ломоватовской и родановской культур чужеродные северные элементы (керамика, украшения) единичны. Они не меняют этнической картины и не приводят к изменениям этнических признаков местных культур. Речь, видимо, может идти только о внедрении новых этнических групп в родственную среду, а не о смене этноса.

Трудности этнической интерпретации средневековых культур состоят в том, что их границы менее стабильны, чем в далекой древности. На колебания границ оказывали влияние внутренние процессы, в частности экологический фактор (изменения климата и ландшафта вследствие природных процессов, активной трудовой деятельности, преобразующей природную среду). По палеоботаническим данным В. В. Туганаева средневековое население Прикамья истощало природные ресурсы в отдельных районах, изменяло природные ландшафты — на месте вырубленных лесов появлялись луговые степи и вторичные леса, что вело к изменениям в хозяйстве и смене мест расселения¹¹. На расселение оказывало влияние и относительное перенаселение районов, вызывавшее освоение новых пространств. Это прослеживается, например, в ломоватовской культуре, памятники которой особенно на позднем этапе появляются на севере Прикамья. В раннем средневековье на расселение больше стали влиять внешнеполитические факторы — усиление военной опасности со стороны южноуральских кочевников, а затем государства волжских булгар. Видимо, этим объясняется концентрация памятников средневековых культур Приуралья в районах, удаленных от основных водных магистралей. Нечто похожее происходит в лесном Зауралье, в южные районы которого проникает тюркское население.

Трудность также в том, что при расширении обменных связей между этносами происходит быстрая унификация разных видов материальной культуры, в том числе имевших этническую окраску¹², и погребального обряда, отражавшего кроме этнических традиций изменения в мировоззрении населения в период ломки старых родовых отношений и зарождения элементов классового общества.

При этнической интерпретации средневековых культур археологи вынуждены приближать свою классификацию к этнографической. Крупные этнокультурные области при ретроспективном изучении, скорее всего, сопоставимы с понятием «историко-этнографическая область»¹³. Для средневековья Урала можно выделить несколько таких областей со сходной географической средой: северо-уральскую лесотундровую с угорско-самодийским и пермским этносом, лесную приуральскую с преобладанием пермского этноса, лесную зауральскую с преобладанием угорского этноса, южноуральские лесостепную и степную с преобладанием тюркского этноса. Этнические процессы в этих областях протекали с разной скоростью. Р. Г. Кузеев и В. А. Иванов правильно отмечают, что «характерная для Южного Урала этнокультурная нестабильность и пестрота затрагивали в основном лесостепные районы региона и практически не касались более северных лесных территорий Приуралья с их устойчивой финно-угорской этнокультурной средой»¹⁴.

В этнографическую классификацию входит понятие «хозяйственно-культурный тип». Общие черты в материальной и духовной культуре могут сложиться у разных этносов, проживавших в одинаковых географических условиях и имевших общие черты хозяйственной деятельности. С другой стороны, у одного этноса, расселившегося на большой территории, имеющего различия в условиях географической среды, могут сложиться разные типы хозяйства, отражавшиеся в различиях материальной культуры¹⁵. Так, в родановской культуре выделяются два больших варианта — северный и южный. В северном, таежном варианте развивалось подсечное земледелие, переходящее в пашенное на освобожденных от леса площадях; большую роль сохраняли промысловая охота и рыболовство. На поселениях этого района обнаружены остатки легких жилищ типа охотничьих избышек (Коркинское, Искорское городища), в могильниках долгие сохраняются пережитки родового строя — четкие ряды погребений, захоронение детей с женщинами. Есть небольшие отличия от южного варианта в составе глиняного теста и орнаментации керамики, в сюжетах культовых изображений. В южном варианте преобладали пашенное земледелие и скотоводство, часты находки жерновов и кос-горбуш. На поселениях изучены ямы-хранилища зерна, жертвенники с обугленным зерном, большие и малые срубные дома. В могильниках наблюдается нарушение рядов, резче проявляются признаки имущественного неравенства. На одном поселении чаще встречаются разные типы родовых тамг, косвенно говорящие о наличии соседской общины. Примерно такие же два варианта выделяются в юдинской культуре лесного Зауралья (туринский и тавдинский)¹⁶.

Варианты культур совпадают с распространением диалектов языка одного этноса: в родановской — иньвенский и косинский диалекты коми-пермяцкого языка, в юдинской — южный и запад-

ный диалекты манси. В родановской культуре, кроме того, варианты совпадают с районами распространения двух коми-пермяцких преданий: о Пере-богатыре (северный) и Кудым-Оше (южный)¹⁷.

Наиболее устойчивым этническим признаком археологических культур является обряд погребения. Основные его черты сходны у большинства средневековых лесных культур Урала: труположение на спине в неглубоких грунтовых ямах, иногда в сочетании с частичным или полным трупосожжением, проведенным на стороне. Такой обряд в Прикамье прослеживается от ананьинской культурной общности раннего железного века. Различия выражаются в соотношении труположений и трупосожжений, отклонениях от основной северной ориентировки погребенных, особенностях размещения пережженных костей в могильной яме, степени сохранности погребального инвентаря (целые или сломанные вещи) и его размещении в могиле — особенностях жертвенных и поминальных комплексов внутри и вне могильных ям, формах и размерах ям и остатках внутри- и надмогильных сооружений¹⁸.

Для некоторых культур Урала удастся проследить преемственность погребального обряда до позднего феодализма и далее. Вместе с тем в погребальном обряде XVI—XVII вв. уже прослеживается христианское влияние (западная ориентировка погребенных, большая глубина могильных ям, помещение в могилу христианских нательных крестов), а при смешении местного населения с русским появляются новые антропологические типы. В родановской культуре выявлены два могильника (Кудымкарский и Искорский), в которых захоронения родановской культуры продолжают захоронения коми-пермяцкого и русского населения. В Кудымкарском могильнике самые ранние погребения относятся к XIV в., самые поздние — к концу XVII в. Характерно, что некрещеное коми-пермяцкое население продолжало хоронить умерших без нательных крестов на окраинах родановских могильников в неглубоких ямах с типично родановскими украшениями и орудиями труда, а крещеное хоронило в другом месте вместе с русскими¹⁹.

Больше всего поздних средневековых могильников изучено в Удмуртии, более 100 из них датируются XVI—XIX вв.²⁰ Хотя между поздними могильниками чепецкой культуры и собственно удмуртскими существует небольшой хронологический разрыв (XV в.), по всем особенностям погребального обряда они сохраняют традиции, которые сложились в чепецкой культуре. Иногда могильники находятся рядом, что также отражает преемственность в расселении северных удмуртов и их потомков²¹. Хронологический разрыв между юдинскими могильниками и могильниками обских угров еще больше (XIV—XVII вв.), и изучены они на разных территориях. Тем не менее преемственность в обряде погребения (большое значение огня, культ коня, по-

ломка вещей перед помещением в могилу, небольшая глубина ям, северная ориентировка погребенных, отдельные скорченные костяки) сохраняется²².

При общем сходстве, сложившемся в раннем железном веке, жилища лесной зоны Урала в эпоху средневековья в разных археологических культурах отличаются по внутренней планировке, высоте сруба, устройству очагов, формам крыши, наличию или отсутствию углубленной части²³. Они также сохраняют определенную преемственность с типами жилищ коми-пермяков, удмуртов и манси²⁴.

Наиболее массовыми признаками, отражающими этническую специфику археологической культуры, считаются форма сосудов, состав глиняного теста и сочетание основных элементов орнамента и его узоров. Основные формы, состав глиняного теста (примесь раковины) и приемы орнаментации глиняной посуды сложились в лесной полосе Приуралья не позднее начала железного века. Различия прослеживаются лишь в особенностях формы, степени измельченности раковины в глиняном тесте, добавлении других примесей, характере обработки поверхности. Гораздо более устойчивые различия — в преобладании тех или иных элементов орнамента в узорах. Так, для чепецкой культуры характерны узоры, нанесенные сложным фигурным штампом, чаще всего — треугольным, и этот прием орнаментации, как и формы сосудов, долго сохраняется у удмуртов в деревянной посуде, узорном ткачестве²⁵. Для родановской культуры таким же является круглый полый или розеточный штамп, который вместе с рядом других элементов орнамента и узоров сохраняется в ткачестве, вышивке и набойке коми-пермяков XVIII—XX вв.²⁶ Причем орнамент на глиняной посуде в средневековых культурах повторяется в орнаментации изделий из кости²⁷, а иногда и в металлических украшениях.

Металлические части мужского костюма (поясная гарнитура) более интернациональны и одинаково распространены во всех средневековых культурах Урала. Своеобразен состав женских украшений, хотя и в него проникает немало вещей, имеющих очень широкое распространение (бусы, височные кольца и т. д.). В среде почти всех финно-угорских народов лесной полосы с раннего железного века получают распространение шумящие подвески разных типов. Они распространены в разных культурах, но отличаются чаще всего техникой изготовления, особенностями композиции основы, размерами, орнаментацией, формой прорезей и изредка — сюжетами изображений (например, подвески с основой в виде головы медведя, лежащей между лап, встречаются только на территории родановской культуры). Одними из наиболее распространенных являются коньковые подвески. Они встречаются во всех культурах лесной полосы Урала, но только в родановской, продолжая свое развитие, превращаются путем стилизации (сближение двух голов коней, утрата реалисти-

ческих черт) в якорьковые подвески. Таким же специфическим для чепецкой культуры украшением являются подвески с треугольной основой, по мнению Л. А. Голубевой, происходящие от марийских украшений²⁸. Из северных приуральских культур наиболее интернациональна по украшениям вымская культура, где абсолютно преобладают привозные древнерусские, болгарские, родановские, прибалтийско-финские украшения, а специфическими являются лишь грушевидные и конусовидные бубенчики и конические пронизки²⁹. Почти то же самое наблюдается и в юдинской культуре, где кроме привозных или заимствованных выделяются широкие цельнолитые браслеты с зооморфными изображениями³⁰.

Иногда удается проследить преемственность некоторых украшений и даже всего женского костюма между средневековыми могильниками и этнографическими комплексами, например, у удмуртов³¹. В раскопках Пятнежского могильника XVII в. на Каме обнаружены части головного убора типа коми-пермяцкой шамшуры³², расшитого мелкими бусами такого же типа, которые встречаются на месте головных повязок в родановских погребениях.

Предметы культового зооантропоморфного литья (так называемого звериного стиля) имеют свои прототипы в раннем железном веке, и основные их варианты распространены в разных археологических культурах Урала. Однако они отличаются по сюжетам, орнаменту, композициям, технике и стилю выполнения. Так, например, сложные многофигурные композиции, выполненные в объемном и плоском литье с точеным орнаментом и косоплеткой, с преобладанием фигур так называемых человеколюдей встречаются преимущественно на территории Приуралья — в родановской культуре и на средневековых памятниках Печоры³³. Они не найдены в чепецкой культуре. В зауральских средневековых памятниках чаще встречаются изображения «человекоптицы», выполненной в грубом плоском литье, в чепецкой и родановской культурах на поселениях — изредка костяные жезлы жрецов, украшенные зооморфными изображениями (головой коня — городище Редикорское или птицы с хищным клювом — городище Идна-Кар).

Жертвенные места и отдельные жертвенники на поселениях и в могильниках появляются в лесной полосе Урала также в раннем железном веке. В Верхнем Прикамье в эти комплексы наряду с костями диких животных рано входят кости и изображения домашних животных. Среди диких особым почитанием пользовался медведь, среди домашних — конь. Кости коня входили в погребальный обряд. Зубы лошади обнаружены в могильных ямах ломоватовской и раннего этапа родановской культуры. В родановской культуре в связи с развитием земледелия в могильных ямах встречается обугленное зерно (Урынский могильник, Кыласово-Анюшкар — городище).

В раннем железном веке по обоим склонам Урала появляются костыща — жертвенные места, иногда связанные с поселениями, расположенные на них или рядом с ними. Чаще всего они имели круглую форму и кроме жертвоприношений животных на них изредка встречаются и кости человека. Костыща покрыты мощным слоем золы и угля, связанным, очевидно, с длительным горением костров и осуществлением культа огня. Эта традиция сохраняется в родановской культуре до XV в. На Искорском городище было раскопано святилище круглой формы с остатками золы и угля и небольшой столбовой постройкой для участников жертвенной церемонии. По коми-пермяцким преданиям, их предки поклонялись своим богам именно на таких святилищах, имевших форму круга (солнца) или полукруга (луны)³⁴. Позднее эти святилища перекрывались христианскими церквями, и на них иногда продолжали исполнять языческие обряды.

Жертвенное место XI—XII вв. Чумойтло обнаружено в южной Удмуртии³⁵. Оно представляет костыще, содержащее линзы кальцинированных костей, окруженные сырыми костями (преобладают кости диких животных). Найдены железные и костяные наконечники стрел. Жертвенное место отличается от верхнекамских костыщ тем, что связано преимущественно с охотничьим культом, чем близко к Хэйбидя-Пэдарскому жертвенному месту в Большеземельской тундре³⁶. Однако на Чумойтлинском жертвенном месте обнаружены остатки срубной постройки, по содержанию находок очень напоминающей святилища удмуртов XVIII—XIX вв. типа куалы.

Этнической интерпретации археологических культур средневековья помогает сопоставление их территорий с упоминанием древних этносов в письменных источниках, с данными этнонимии и топонимии и современным расселением коренных народов Урала. Так, территория по Каме от устья р. Чусовой до оз. Чусовского в русских письменных источниках XIV в. называлась Пермью Великой³⁷. Она почти полностью совпадает с границами родановской культуры. На этой же территории встречается преимущественно коми-пермяцкая топонимика³⁸, и на основной ее части — по левобережью и ее притокам — проживают коми-пермяки. Многие названия населенных пунктов здесь переводятся с коми-пермяцкого языка. То же прослеживается и на территории Удмуртии, где наблюдается преемственность между территориями чепецкой и чумойтлинской культур, северной и южной группами удмуртов, как по этнонимам в письменных источниках, так и по топонимике и современному расселению удмуртов³⁹. Памятники юдинской культуры на тех же основаниях связываются с предками манси⁴⁰.

Наряду с археологическими культурами выделяются сравнительно небольшие группы одновременных памятников, резко отличающихся по своим этническим признакам от соседних

археологических культур. Такие группы В. Ф. Генинг предложил называть археолого-этническим типом (АЭТ) или археолого-этническим комплексом (АЭК)⁴¹. Выявление их дает возможность более конкретного изучения сложных этнических процессов прошлого, особенно для тех районов, в которых по условиям географической среды могла возникнуть определенная этническая чересполосица. Такими были тундровые⁴², степные и лесостепные районы, в которых было достаточно неосвоенных земель для проникновения новых этнических групп. Однако при конкретном выделении АЭТ В. Ф. Генинг определял часть их не по сумме признаков, а по одному-двум (керамика, обряд погребения), иногда по одному типу памятников (поселения или могильники).

Если считать АЭТ не только рабочей моделью, а видеть в нем отражение реально существовавшего небольшого этноса, то выделять его нужно по тем же принципам, что и археологическую культуру — по комплексу памятников разного типа и нескольким этническим признакам. Это дало бы возможность реконструировать его хозяйственно-бытовой уклад и социальную структуру.

Наиболее близким к понятию АЭТ (АЭК) нам кажется понятие «землячество» в этнографической классификации⁴³, или этнографическая группа. По нашему мнению, содержание его может иметь несколько вариантов: 1) обособленная этническая группа, входящая в состав большого этноса (археологической культуры), родственная ему по происхождению, но обособившаяся в условиях относительной изоляции и отличающаяся особенностями хозяйства, материальной культуры, диалектом языка (например, язвинская группа памятников родановской культуры — предки язвенских коми-пермяков); 2) этническая группа, резко отличающаяся по происхождению, материальной культуре, а иногда и по типу хозяйства от основного этноса, на территорию которого она проникла из другого района; она могла долго сохранять свою этническую специфику или быть ассимилированной этим этносом; 3) родственные по происхождению АЭТ, проникшие на незаселенную территорию, могут долго сохранять свою обособленность друг от друга или постепенно сближаться, консолидироваться в более крупный этнос (археологическую культуру); 4) неродственные по происхождению АЭТ при взаимодействии друг с другом могут образовать новый этнос, когда один из них ассимилирует другие. Примерно такие же ситуации при взаимодействии местного и прошлого населения усматривает В. П. Алексеев⁴⁴.

Изучение археологических средневековых культур Урала показывает, что при всей сложности этнических процессов, которые отразились в развитии этих культур, в лесной зоне наблюдается преемственность местного этноса (археологической культуры), почти на всех этапах развития включавшего в свой

состав различные по происхождению этнические группы. В тундровой, лесостепной и степной зонах процесс этнической консолидации в археологической культуре происходил медленнее, хотя население, особенно на юге Урала, возрастало быстрее за счет постоянного притока нового населения из других районов. Здесь дольше сохранялись этнические группы, которые и можно определять как АЭТ (АЭК).

¹ См.: **Башилов В. А., Лооне Э. Н.** Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // СА. 1986. № 3; **Боряз В. Н.** О правомерности «реконструктивного» уровня исследования в археологии // СА. 1988. № 1; **Аникович М. В.** Три уровня археологического исследования или три ступени исторического познания // Там же.

² См.: **Клейн Л. С.** Проблемы определения археологической культуры // СА. 1970. № 2; **Он же.** Археологические источники. Л., 1978.

³ См.: **Генинг В. Ф.** Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970; **Он же.** Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983.

⁴ См.: **Смирнов А. П.** К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. С. 3—10; **Каменецкий И. С.** Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18—36; **Генинг В. Ф.** Проблемы соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3—37; и др.

⁵ См.: **Ганжа А. И.** Историография проблемы археологической культуры в отечественной науке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1988.

⁶ См.: **Оборин В. А.** Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. 1968. Вып. 9. С. 3—29.

⁷ См.: **Алексеев В. П.** Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества: Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 297—298.

⁸ См.: Там же. С. 329—333.

⁹ См.: **Он же.** Палеодемография СССР // СА. 1979. № 1; **Шелестов Д. К.** Историческая демография. М., 1987. С. 130—132.

¹⁰ См.: **Халиков А. Х.** Проблемы этногенеза пермских финнов // Тез докл. VI междунар. конгр. финно-угроведов. Казань, 1985. С. 4—5.

¹¹ См.: **Туганаев В. В.** История хозяйственного освоения бассейна Средней Камы: Экол. аспект // Тез. докл. XVII Всесоюз. финно-угор. конф. Устинов, 1987. Т. 2. С. 93—95.

¹² См.: **Третьяков В. П.** Этногенетический процесс и археология // СА. 1962. № 4. С. 3—16.

¹³ См.: **Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.** Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 1.

¹⁴ **Кузеев Р. Г., Иванов В. А.** Основные этапы этнической истории населения Урала и Приуралья в эпоху средневековья V—XIV вв.: Препринт. Уфа, 1983. С. 6—7.

¹⁵ См.: **Косарев М. Ф.** Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 23, 157—163.

¹⁶ См.: **Викторова В. Д.** Памятники лесного Зауралья в X—XIII вв. н. э. // Учен. зап. Перм. ун-та. 1968. № 191. С. 241—242, 256.

¹⁷ См.: **Оборин В. А.** Соотношение легенд о чуди с коми-пермяцкими преданиями и их историческая основа // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 120.

¹⁸ См.: **Кананин В. А.** Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 81—93; **Иванова М. Г.** Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 69—75.

¹⁹ См.: **Оборин В. А.** К вопросу об этническом составе русских поселе-

ний Верхнего Прикамья в XVI—XVII вв. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 165—167.

²⁰ См.: **Шапран И. Г.** Позднесредневековые могильники на территории Удмуртской АССР: Материалы к археологической карте // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 121—131; **Семенов В. А.** Южные удмурты в XVI в.: (По материалам Ореховского могильника) // Вопросы этнографии Удмуртии. С. 69—94; **Он же.** Новые памятники Удмуртии VI—XVIII вв. в среднем течении р. Чепцы // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 124—128; **Наговицын Л. А., Шутова Н. И.** Удмуртский могильник у д. Узей-Тукля // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1985; **Шутова Н. И.** К истории изучения удмуртских погребальных памятников XVI—XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 64—67; и др.

²¹ См.: **Иванова М. Г.** Об этнической принадлежности... С. 75.

²² См.: **Викторова В. Д.** Памятники лесного Зауралья... С. 254—256.

²³ См.: **Оборин В. А.** Этнические особенности средневековых памятников... С. 9—10; **Иванова М. Г.** Чепецкие древности. Устинов, 1985. С. 100—101; **Викторова В. Д.** Памятники лесного Зауралья... С. 242.

²⁴ См.: **Белицер В. Н.** Очерки по этнографии народов коми XIX — начала XX в. М., 1958. С. 173, 217; **Соколова З. П.** К истории жилища обских угров // СЭ. 1957. № 2. С. 88—105.

²⁵ См.: **Семенов В. А.** Из истории удмуртского народного орнамента III—XIII вв. // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4. С. 287—293; **Он же.** Удмуртский народный орнамент. Ижевск, 1964; **Климов К. М.** Удмуртское народное творчество. Ижевск, 1979; **Он же.** О формировании удмуртской бытовой утвари XIX — начала XX в. // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве удмуртов. Ижевск, 1984. С. 100—107.

²⁶ См.: **Белицер В. Н.** Очерки по этнографии... С. 335—338; **Грибова Л. С.** Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980. С. 145—172; **Климова Г. Н.** Текстильный орнамент коми. Сыктывкар, 1984.

²⁷ См.: **Иванова М. Г.** Бытовые изделия из кости городища Идна-Кар IX—XIV вв. // Народное искусство и художественные промыслы Удмуртии. Ижевск, 1980. С. 54—64; **Кокова О.** Художественная резьба по кости в родоновской культуре IX—XV вв. и ее смысловое значение // Духовная культура Урала: Тез. докл. студ. науч. конф. Свердловск, 1987. С. 21—22.

²⁸ См.: **Голубева Л. А.** К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982; **Она же.** Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1—59.

²⁹ См.: **Савельева Э. А.** Этногенез коми-зырян: Препринт. Сыктывкар, 1985. С. 13.

³⁰ См.: **Викторова В. Д.** Памятники лесного Зауралья... С. 250.

³¹ См.: **Семенов В. А.** Истоки некоторых элементов удмуртского женского наряда по данным археологии // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов Удмуртской АССР. Ижевск, 1983. С. 126—141; **Лебедева С. Х., Атаманов М. Г.** Костюмные комплексы удмуртов в связи с этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. С. 112—150; **Белицер В. Н.** Очерки по этнографии... С. 278—279.

³² См.: **Оборин В. А.** Раскопки в Пянтеге // АО — 1982. М., 1984. С. 166—167.

³³ См.: **Оборин В. А.** Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976. С. 35—36; **Грибова Л. С.** Культовая бронзовая пластинка Хэйбидя-Пэдары // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 90—106.

³⁴ См.: **Оборин В. А.** Раскопки Искорского городища и святилища // АО — 1980. М., 1981. С. 147; **Он же.** Соотношение легенд о чуде... С. 117.

³⁵ См.: **Голдина Р. Д.** Жертвенное место Чумойтло в южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 84—105.

³⁶ См.: **Мурыгин А. М.** Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место: Препринт. Сыктывкар, 1984.

³⁷ См.: **Дмитриев А. А.** О границах Перми Великой // Тр. Перм. уч. археол. комиссии. Пермь, 1982. Вып. 1. С. 63—74.

³⁸ См.: **Матвеев А. К.** Древнеуральская топонимика и ее происхождение // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 138; **Кривошекова-Гантман А. С.** Откуда эти названия? Пермь, 1973. С. 23—36.

³⁹ См.: Проблемы этногенеза удмуртов. С. 6—36, 59—103; **Шутова Н. К.** К вопросу о расселении аров в конце I — первой половине II тыс. н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. С. 114—121.

⁴⁰ См.: **Викторова В. Д.** Памятники лесного Зауралья... С. 256.

⁴¹ См.: **Генинг В. Ф.** Южное Приуралье в III—VII вв. н. э.: (Проблемы этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 249—250; **Он же.** Проблема соотношения археологической культуры и этноса... С. 20—23.

⁴² См.: **Мурыгин К. М., Королев А. С., Ляшев В. А.** Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья: Препринт. Сыктывкар, 1984. С. 7—29.

⁴³ См.: **Лашук Л. П. В. И. Ленин о земляческих и национальных связях** // СЭ. 1970. № 1. С. 52—53.

⁴⁴ **Алексеев В. П.** Демографическая и этническая ситуация. С. 239—330.

Н. В. ФЕДОРОВА, А. П. ЗЫКОВ
Институт истории и археологии УрО АН СССР
В. М. МОРОЗОВ, Л. М. ТЕРЕХОВА
Уральский университет

СУРГУТСКОЕ ПРИОБЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Периодизация и хронология археологических памятников Нижнего и Среднего Приобья I — середины II тыс. н. э. до сих пор основаны на схеме, предложенной В. Н. Чернецовым, наметившим основные этапы культурно-исторического развития региона от эпохи раннего железа до позднего средневековья. Естественно, с накоплением нового материала эта схема нуждается в уточнении и дополнении.

Последние два десятилетия отмечены заметным оживлением региональных исследований средневековых древностей Западной Сибири. обстоятельно изучены памятники Сургутского и Томско-Нарымского Приобья, степных и лесостепных районов лесного Прииртышья, Зауралья. Характерная черта многих работ последних лет — стремление зафиксировать, скорее, своеобразие археологической ситуации, чем сходные черты ее развития в различных районах. Это было связано с вполне объяснимым стремлением выйти на решение этногенетических проблем, что иногда приводило к необоснованному выделению многочисленных археологических культур.

В данной статье предлагается схема развития средневековых древностей Сургутского Приобья, основанная на многолетних исследованиях крупных комплексов памятников в урочище Ермаково, у поселка Сайгатино и главным образом на Барсовой Горе (рис. 1), этапы заселения которой прослежены с эпохи камня до позднего средневековья.